

НЕИЗДАННАЯ СТАТЬЯ СОФЬИ КОВАЛЕВСКОЙ О САЛТЫКОВЕ

Сообщение С. Штрайха

Приводимая ниже статья С. В. Ковалевской о М. Е. Салтыкове-Щедрине сохранилась в ее семейном архиве в подлинной авторской рукописи на французском языке. Постоянно проживавшая в Стокгольме, где она занимала университетскую кафедру математики, Ковалевская в момент смерти М. Е. Салтыкова находилась в Париже. Здесь у нее были многочисленные дружеские связи и знакомства в международной эмигрантской среде, с представителями которой она поддерживала также деятельную переписку из Стокгольма, стараясь создать в шведском обществе благоприятное настроение в пользу русских революционеров. В Париже Ковалевская находилась тогда в связи со своим недавним триумфом, когда она в самой торжественной обстановке получила от французской Академии наук высшую, значительно увеличенную против присуждавшихся до нее премию за решение вопроса о вращении твердого тела под влиянием действующих на него сил¹. Вместе с этой высшей радостью от своей математической деятельности Ковалевская переживала также в ту пору большой творческий подъем в области литературно-художественной — писала свои знаменитые «Воспоминания детства», вскоре напечатанные в России и встреченные чрезвычайно сочувственно во всем образованном мире: они были переведены на западноевропейские и скандинавские языки. Все это совпало с пышным расцветом личного жизненного романа Ковалевской. В Париже она в начале 1889 г. была почти неразлучна со своим знаменитым однофамильцем М. М. Ковалевским².

Когда весть о смерти Салтыкова пришла в середине мая 1889 г. в Париж, тамошние русские представители умеренно-радикальной политической мысли и научно-литературных кругов решили, что Ковалевская должна взять на себя организацию посылки венка на могилу писателя и сочувственной телеграммы его вдове. Во время переговоров по этому поводу с русскими парижанами Софья Васильевна возмущалась политической трусостью некоторых своих либеральных соотечественников и негодование свое излила в письме к уехавшему на несколько дней из Парижа М. М. Ковалевскому, который в 1885 г. принимал участие в издании собрания сочинений знаменитого сатирика. Письмо в печати не было; оно не датировано, но конечно относится к середине мая 1889 г. Подлинник его среди тех бумаг С. В. Ковалевской, которые сохранились в личном архиве М. М. Ковалевского, находящемся теперь в Институте Русской Литературы при Академии Наук СССР в Ленинграде.

Дорогой Максим Максимович.

Вчера вечером пришла, наконец, корректура первого листа ваших лекций. Я ее просмотрела и отошлю к Иоганну Лефлеру, который, сравнив ее с той, которую получит от Вас, отдаст ее в печать. Лефлер пишет, что печатание не окончится раньше, как к осени³.

Вы ругаете шведов, а я в настоящую минуту преисполнена негодования на русских и на их безграничное холопство. Третьего дня Де-Роберти⁴ и наш старый друг⁵ пришли ко мне, и, на основании того, что я якобы пользуюсь большою популярностью в

русской колонии, стали просить меня, чтобы я взяла на себя инициативу устроить подписку—венюк Щедрина и послать сочувственную телеграмму его вдове от имени различных русских кружков в Париже.

По легкомыслию, свойственному не одной только юности, я охотно взяла на себя это поручение. Мне казалось, чего проще и невиннее, как изъяснить, что мы все жалеем о смерти великого и вполне легального писателя. Но оказывается-то, что это не так просто, что и в этом можно усмотреть потрясение основ.

Какую массу пошлости я насмотрелась в эти два дня, вы представить себе не можете! В результате почти полная неудача, усталость, неимоверная досада на самое себя, зачем я связалась с этими пошляками, и почти физическое ощущение, что я эти два дня провозилась с чем-то очень неопытным. В будущую субботу (на 12-й день по смерти Щедрина, не слишком ли рано?) соберется комитет, в котором будет участвовать Боголюбов⁶ и Котцебу⁷, чтобы обсудить, имеем ли мы право жалеть о его смерти!

Нет, как хотите, русские, как нация, никуда не годятся! Я хотела послать телеграмму от частных лиц, но нас не набралось и 10. Ваш милый друг Вырубов⁸ не считает себя в праве выразить свое сожаление о смерти Щедрина, ибо он теперь француз.

Преданная вам С. К.

Разделавшись с трусливыми русско-французскими либералами, Ковалевская решила ознакомить французскую публику с литературно-политическим обликом Салтыкова и написала для одного из парижских журналов печатаемую здесь статью. Рукопись имеет вид окончательно отделанной для печати, в которую она повидимому не попала по случайным обстоятельствам; по крайней мере на рукописи две-три карандашные пометки, сделанные посторонней рукой (возможно М. М. Ковалевского, с которым С. К. советовалась по поводу своих литературных опытов), и несколько поправок чернилами, сделанных самим автором; ни в одном библиографическом указателе о Салтыкове и Ковалевской эта статья не упоминается.

В статье о Щедрина Ковалевская имела в виду показать французским читателям оппозиционные тенденции русской подцензурной прогрессивной печати, показать, что Щедрин был одним из самых революционных и самых талантливых представителей указанного направления. С этой целью Ковалевская выбирает из огромного литературного наследия Щедрина небольшой рассказ «Болезненное место».

Для лучшего усвоения иностранным читателем ее мысли, Ковалевская умело рифмуя этот рассказ и ставит его в центр своей статьи. В то же время для того, чтобы специально заинтересовать французскую публику умершим русским писателем, Ковалевская выбирает из его крупных художественных произведений роман «Господа Головлевы» и подчеркивает сходство основной мысли последнего с главной идеей наиболее популярной тогда во Франции серии романов Золя «Ругон-Маккары».

Умело выдвигает она также на первое место ту сторону биографии Салтыкова, которая связана с его социальными идеями, с его участием в кружке первых русских социалистов-петрашевцев.

Конечно статья Ковалевской о Щедрина не представляет собою крупного вклада в критическую литературу о великом сатирикe, но в нашем литературном наследстве она должна быть отмечена как отклик на смерть знаменитого писателя в кругах той радикальной русской интеллигенции, которая не находила применения своим дарованиям и своим силам в царской России и оставляла родину для того, чтобы из-за границы теми или иными путями, теми или иными способами подрывать мощь русского самодержавия. Одной из талантливейших представительниц этой интеллигенции была С. В. Ковалевская и одной из любопытных страниц ее деятельности в этом направлении является печатаемая здесь статья.

Статья дана в переводе К. Локса.

С. Штрайх

М. Е. САЛТЫКОВ (ЩЕДРИН).

«Еще одна звезда мелькнула, мелькнула и исчезла».

Еще одно блистательное имя вычеркнуто из списка имен той плеяды великих писателей, которые родились в России в первую четверть нашего века и которые стали известны и любимы за границей почти столь же, как в своей стране.

Явление весьма любопытное и уже несколько раз подмеченное: есть годы урожайные и неурожайные для рождения великих людей, совсем как для сбора хлебов. В раздольных степях южной России земледелец с большим правом, чем где бы то ни было, может сказать, что годы идут один за другим, но не походят друг на друга. Если нет дождей, если летом стоит исключительная жара,—все высыхает, все сожжено. Черная и жирная земля наша — знаменитый русский чернозем — покрывается коркой твердой, как камень. Тогда нельзя рассчитывать даже на средний урожай, и осенью с трудом можно засеять поля.

Иногда неудачные годы идут подряд—одно лето, другое, третье, пятое. Тогда наступает настоящее разорение. Голод и отчаяние во всей стране. Наконец, наступает хороший год, когда дожди падают в изобилии. Тогда земля обнаруживает мощь и плодородие изумительные. Достаточно только засеять поля, чтобы через несколько недель послучить урожай сторицей. Приходится скликать рабочих со всех концов России, чтобы собрать слишком обильную жатву. Все закрома, все амбары в стране переполнены. Всегда остается пшеница, которую некуда девать. Коротко говоря, урожай одного счастливого года вполне вознаграждает земледельца за все потери долгих неудачных годов.

Если проследить различные периоды развития литературы в России, то, кажется, действительно можно установить явление того же порядка. Ее история в нашей стране еще не слишком длинна. Она едва насчитывает два столетия. Тем не менее всякий, изучающий эту историю на протяжении столь короткого времени, не может не быть поражен контрастом между эпохами великой скудости и поражающим плодородием. Годы, непосредственно предшествовавшие или следовавшие за годом 1825, производят впечатление годов наиболее благоприятных для рождения гениальных писателей. Тургенев, Достоевский, Толстой, Некрасов, Гончаров, Салтыков (Щедрин) и г-жа Крестовская все ровесники с разницей в пять или шесть лет, и все родились в эту эпоху⁹.

С. В. КОВАЛЕВСКАЯ

Фотография 1876 г.

Собрание С. В. Ковалевской, Москва

Три первых имени хорошо известны во Франции, четыре последних не пользуются или, лучше сказать, пока еще не пользуются той же известностью. Но в России так привыкли соединять эти имена, что для русского почти невозможно назвать одно имя и не представить себе сразу всю плеяду целиком. Это потому, что авторы, которых я только что назвала, характеризуют и воплощают всю эпоху нашей литературной жизни. Хотя у каждого из них есть своя собственная, индивидуальная манера письма, их всех объединяет нечто общее, какой-то один и тот же родной воздух. И поэтому, мне думается, легко понять, что они выросли в одну и ту же эпоху, в окружении одной и той же культуры и социальной среды.

Быть может, теперь их литературную деятельность следует считать почти законченной. Тургенев, Достоевский и Некрасов нет больше в живых. Гончаров и Крестовская уже много лет не создавали ничего значительного. Толстой отрекся от литературы и пишет только народные сказки или философские статьи.

Только Щедрин сохранил до самого последнего времени свою [творческую] мощь и производительность, тем более замечательные, что уже давно страдал тяжелой мучительной болезнью. И вот теперь смерть заставила умолкнуть его язвительную и насмешливую речь, быть может, единственную, которая осмеливалась звучать в наше время в защиту свободной мысли и бичевала эгоистические и реакционные настроения, все более и более захватывающие русское общество и русскую литературу.

Глубокая и неподдельная скорбь, охватившая всю Россию при известии о смерти Салтыкова, огромная толпа, шедшая за его гробом, тысячи венков, присланных на его могилу из самых отдаленных уголков империи царей,—все это свидетельствует о том, как ценили великого писателя в его стране и какую пустоту он оставил после себя.

Щедрин действительно занимал совсем особенное место среди своих собратьев. Он один воплощал то, что наиболее редко встречается в России,—свободный порыв критической мысли. Но хотя многие произведения Щедрина переведены на французский язык¹⁰, он не встретил во Франции того понимания, как Тургенев, Толстой и Достоевский. Эта холодность иностранцев к писателю, столь высоко ценимому у себя на родине, зависит, я думаю, от двух основных причин и, прежде всего, объясняется самым жанром его произведений.

Правда, Щедрин проявил самые разнообразные художественные способности. Он начал стихами; его роман «Господа Головлевы» доказывает, что у него несомненно были данные крупного романиста: живое и пылкое воображение, способность перевоплощаться в своих персонажей, большая утонченность в анализе характеров. Тем не менее настоящим жанром Салтыкова была всегда сатира, оправленная фантастикой, подобная сатире Рабле. А этот жанр более чем какой-либо другой связан с родной почвой. Слезы всюду одинаковы, но у каждого народа своя манера смеяться. Вот почему и Рабле, в свою очередь, будет понят вполне только французом.

В России очень изощренно и сочувственно воспринимают все красоты, все тонкости французской литературы. Не однажды у нас прозревали исключительность французского писателя раньше, чем он был признан у себя. И что же! Даже в России вы с трудом найдете человека, который правильно понимал бы Рабле.

Другая причина, почему Щедрина не совсем легко понять иностранцу, заключается, если воспользоваться его собственным выражением, в его совершенно особом «эзоповском языке», которым он принужден был пользоваться. Не нужно забывать, что Щедрин писал в железных тисках русской цензуры. Едва он садился за свой письменный стол, едва он только опускал перо в чернильницу и располагался писать, как тотчас ему представлялся красный карандаш цензора, угрожающе занесенный над его рукописью.

Долгой практикой Щедрин выработал невероятную ловкость в умении избегать штрихов этого страшного карандаша. Трагический смех, которому он охотно придавал характер простонародного издевательства, не раз прикрывал его дерзкие выходки и благодаря этому скрытому смыслу, часто, впрочем, весьма явному, умел он маскировать свою мысль. Ничего не говоря явно, он заставлял все понять.

Но какова бы ни была ловкость писателя, такая манера письма невозможна, если читатель не получил совершенно особой подготовки. Поразительно, как умеют читать между строк в России! Нечто вроде незримого единения и таинственного понимания установилось между публикой и любимым автором.

Как пример писательской манеры Щедрина я хочу напомнить один из лучших его рассказов: «Больное место». Это история сыщика, наказанного в лице своего сына¹¹. Представьте сыщика, почти не понимающего, что он делает. Очень бедный, в начале своей карьеры очень робкий, привыкший с детства гнуть спину перед другими, он по стечению бедственных обстоятельств был принужден поступить в тайную полицию. Когда он очутился там, ему только оставалось слепо выполнять приказания своего начальства. Ему приказали стать сыщиком, и он исполнял эту должность, не позволяя себе ни рассуждать, ни возражать, с тем же рачительным и усердствующим послушанием, с каким выполнял любое поручение своего начальника. Он не был злым, наоборот, в глубине его мало развитой души много нежности и даже, не удивляйтесь,—деликатности.

Гнусное ремесло, которым он занимается, неоднократно внушает ему отвращение, но он настолько проникнут необходимостью повиноваться и подчиняться, что это отвращение совершенно инстинктивно; он сам относится к нему, как к слабости, и изо всех сил старается его преодолеть и заглушить: «Великий боже, до чего мы дойдем, если каждый подчиненный будет обсуждать приказания начальства».

Однажды он встретил на своем пути юную сироту, столь же бедную, смиренную и робкую, как он сам; он женился на ней, и они жили своей замкнутой жизнью, достаточно счастливой по существу, хотя всегда боязливой, всегда трепещущей перед какой-то угрозой неведомой и страшной силы, которая каждую минуту может их раздавить.

Несколько лет у супругов не было детей; наконец, у них родился сын. Столь долгожданный ребенок стал всем для своего отца, который берег его как зеницу ока. Но странно: по мере того, как отец все более и более привязывался к сыну, возрастало его инстинктивное отвращение к своему занятию. Тем не менее он по привычке продолжал быть деятельным и бдительным. Он даже отличился в блестящем деле — напал на след весьма опасного заговора, и денежная награда, которую он получил за эту ценную услугу, обеспечивала ему, вместе с прежними сбережениями, некоторое благополучие. К тому времени его отвращение к своему ремеслу так усилилось, что он воспользовался этим неожиданным доходом, чтобы подать в отставку и уйти в личную жизнь. С женой и сыном он удалился в глухую провинцию и поселился в маленьком домике в глубине большого, заросшего зеленью сада.

Здесь они живут спокойно, окруженные уважением. Отец сосредоточивает на единственном сыне все богатство своей глубокой любви и нежности, столь долго скрытое в его сердце; он живет его жизнью, участвует в его росте и развитии; он обретает новую душу, соприкасаясь с чистой душой ребенка. Думая о нем, он преисполнен гордости и честолюбивых мечтаний, чего никогда не испытывал по отношению к самому себе. Он хочет, чтобы его сын получил хорошее образование, чтобы все дороги в жизни были открыты перед ним, чтобы сын его не был червем, которого каждый может раздавить, как это было с ним самим.

Иногда воспоминания о прошлой жизни сыщика возвращаются к нему, как приступы скверной, отвратительной тошноты; тогда он изо всех сил старается доказать себе самому, что вовсе не был виновен: «К чему, в конце концов, упрекать себя? Если он был слепым орудием гибели многих людей,—вина падает не на него. Эти люди устраивали заговоры против правительства, его начальник поручил ему наблюдать за ними, он исполнял только свой долг, стараясь открыть их тайны и осведомить правительство о них. То, что произошло с ними потом, его не касается. Это дело его начальства».

Но все эти хитроумные рассуждения не мешают ему при каждом воспоминании о прошлом быть охваченным боязнью—как бы сын не узнал об этом когда-нибудь.

Однажды он случайно встречает одного из своих старых товарищей по службе, который почти насильно навязывается к нему в гости и, выпив стаканчик, начинает вспо-

минать об их прошлом: «Помнишь, папашка, как нам повезло в 1871 г.? Ну, право смешно, когда вспомнишь, как мы их накричали!»

Сын, уже большой мальчик, слушает, устремив на незнакомца большие детские глаза, строгие и вместе с тем любопытные. Растерявшийся отец не знает, как удалить ребенка или заставить замолчать втершегося болтуна и тупицу; он чувствует, как его сердце переполняется невыносимым стыдом и ужасной безнадежностью.

Однако на этот раз мальчик еще ничего не понял. Но годы текут и мальчик растет. У него развивается характер матери—кроткий и нежный, несколько печальный и склонный к меланхолии, но он гораздо одареннее духовно. Он развивается свободно в атмосфере окружающей его ласки и нежности; он обожает своего отца и очень любит науку. Когда ему исполнилось 17 лет, он, с аттестатом зрелости в кармане, просит отца отпустить его в Петербургский университет—продолжать свое образование. Отец, который ни в чем не умеет отказывать сыну, принужден согласиться, испытывая в то же время тайный страх и предчувствие большой опасности, угрожающей ему.

И действительно—неизбежная катастрофа не замедлила разразиться. Имя отца пользовалось печальной известностью, еще не забытой в Петербурге. Вскоре после поступления в университет молодой человек узнает, что он сын бывшего сыщика; среди его друзей встречаются даже сыновья тех, которых предал его отец.

В один зимний вечер, когда бедный отставной сыщик спокойно дремлет в своем углу, мечтая о сыне, тот появляется перед ним: он внезапно вернулся из Петербурга, никого не предупредив о своем приезде.

— Правда ли, что рассказывают о тебе, отец?!—Вот первый вопрос, с которым он обращается к старику, и тому достаточно только взглянуть на искаженное лицо сына, чтобы понять, что должно произойти.

«Вот мой судья», думает он, трепеща перед нежно любимым сыном. Все же он делает усилие защищаться; он излагает все доказательства, которые подготавливал столько лет, как бы в предчувствии этого ужасного момента, когда ему придется оправдываться перед своим сыном. Но он видит, что эти доказательства не производят никакого впечатления на молодого человека, на любимом лице он видит непроизвольное и непреодолимое отвращение. Тогда несчастный отец перестает доказывать, он разражается рыданиями, и у сына нехватило сил упрекнуть его.

Но что же теперь делать сыну, как дальше жить? Он не может вернуться в университет и подвергаться оскорблениям со стороны товарищей. Один из них действительно написал ему, чтобы побудить его вернуться: «Все еще может уладиться,—писал он,—дети не отвечают за преступления своих отцов; но если имеют несчастье быть сыном такого отца, как твой, то от него открепляются—вот и все. Ты сам понимаешь, что пока будут известны твои хорошие отношения с отцом-сыщиком, тебе невольно не будут доверять. Но если ты его покинешь, расстанешься с ним совсем, тебя примут с распростертыми объятиями».

Отречься от своего отца! Отца, который был так добр, так предан ему и тем не менее был виновником того, что столько других сыновей осталось без отцов! Наш герой никогда не решится на это. Но, с другой стороны, как жить, подвергаясь всю жизнь презрению со стороны тех, с мнением которых он больше всего считается?

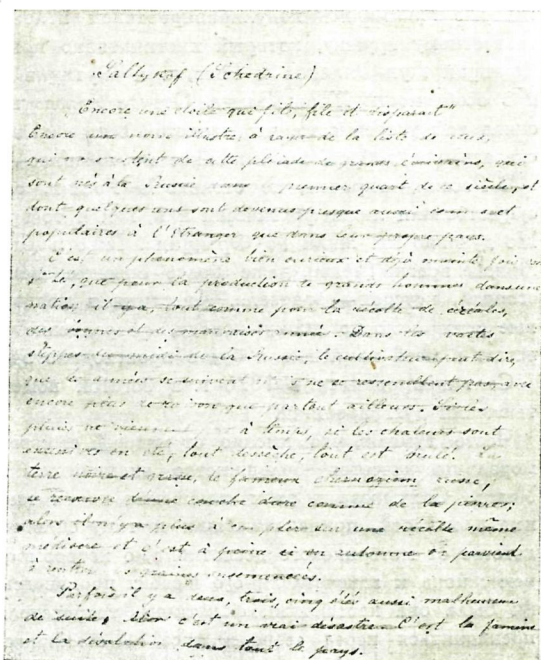
Несчастный находит единственный выход из этой внутренней борьбы: он пускает себе пулю в сердце. Он пишет своему отцу несколько весьма холодных прощальных слов и кончает с собой.

Бывший сыщик остается один во всем мире. Наказание за его неосознательное преступление поразило его в больное место.

Такова мрачная драма, которую Щедрин развернул перед нами. Но чтобы рассказать о ней в России, он должен был проявить немало ловкости. Он принужден был сообщить о ней иначе, чем я изложила ее. Ему пришлось сделать это со всевозможной изворотливостью. На всем протяжении рассказа он ни разу не употребляет таких слов, как «сыщик» и «тайная полиция». Он говорит о занятиях отца неопределенно и таинственно. Но русский читатель, даже мало образованный, не может ошибиться. Он

СТРАНИЦА РУКОПИСИ СТАТЬИ
С. КОВАЛЕВСКОЙ О САЛТЫКОВЕ,
1889 г.

Собрание С. В. Ковалевской, Москва

отлично понимает, что этот рассказ—история сыщика, и ни минуты не сомневается в характере таинственных преступлений, содеянных отцом.

Но представьте себе, что этот рассказ переведен на французский язык без комментариев, без предварительных объяснений. Десять шансов против одного, что читатели ничего не поймут.

Говоря в своих «Театральных впечатлениях» о переделанной для французской сцены Луи Лежандром пьесе Шекспира «Много шума из ничего», Жюль Лемерт пишет, что он всегда в восторге, когда утонченные люди переделывают и исправляют Шекспира для своих надобностей. Не думаю, чтобы я захотела согласиться с мнением Леметра относительно Шекспира, но я убеждена, что есть много авторов, которые в их собственных интересах, так же как в интересах читателей, не могут быть представлены иностранной публике, не будучи, по выражению Леметра, «просмотренным и объясненными утонченно-мыслящими людьми».

Щедрин безусловно принадлежит к числу таких авторов. Читая его рассказы, сатиры и сказки, я не нахожу ни одного, даже среди тех, которыми я наиболее восхищаюсь, который бы я хотела видеть переведенным на французский язык буквально. Но я была бы счастлива, если бы нашелся какой-нибудь французский писатель, понявший Щедрина так, как понимаем его мы, русские, и который взял бы на себя труд истолковать его своим соотечественникам.

Особенно заслужил Щедрин право быть известным и оцененным во Франции, потому что всю жизнь он выражал самую горячую симпатию к этой стране, которую считал в известной степени своим духовным отечеством. Французская литература, идеи, перекинувшиеся [в Россию] из Франции, имели самое могущественное влияние на развитие его дарования и его политических убеждений. Когда Щедрин начинал свою литературную деятельность (1847), все русские молодые люди жили, устремив взоры на Францию.

Вот как рассказывает об этом сам Щедрин в статье «За рубежом», представляющей нечто вроде исповеди или автобиографии: «Я в это время только что оставил школьную скамью и, воспитанный на статьях Белинского, естественно примкнул к западникам. Но не к большинству западников (единственно авторитетному тогда в литературе).

которые занимались популяризацией положений немецкой философии, а к тому безвестному кружку, который инстинктивно прилепился к Франции. Разумеется, не к Франции Луи-Филиппа и Гизо, а к Франции Сен-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана, и в особенности Жорж Занда. Оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится не позади, а впереди нас... Словом сказать, все доброе, все желанное и любовное—все шло оттуда.

В России,—впрочем, не столько в России, сколько специально в Петербурге,—мы существовали лишь фактически или, как в то время говорилось, имели «образ жизни». Но духовно мы жили во Франции... Гизо и Дюшатель и Тьер—все это были как бы личные враги (право, даже более опасные, нежели А. В. Дуббельт), успех которых огорчал, неуспех—радовал... Агитация в пользу избирательной реформы, высокомерные речи Гизо по этому поводу, февральские банкеты—все это и теперь так живо встает в моей памяти, как будто происходило вчера»¹².

Салтыков родился в 1826 г. в богатой помещичьей семье, владевшей несколькими тысячами душ крестьян.

Часто думают, что именно от матерей сыновья наследуют свои интеллектуальные и моральные качества—большинство знаменитых людей имело замечательных матерей. Участь Салтыкова в этом отношении почти такова же, как и участь Тургенева. Оба имели матерей, принадлежавших к типу сильных женщин, и оба сильно страдали в детстве от материнского деспотизма, о котором они сохранили злобное воспоминание на всю жизнь и запечатлели его в своих произведениях. Тем не менее мать Тургенева, как ни была она настойчива, фанатична, требовательна, как ни привыкла заставлять всех преклоняться перед ее волей, все же отличалась прекрасными манерами, известной утонченностью и оставалась аристократкой, несмотря на все.

Что касается матери Салтыкова, то она была так наз. «бой-баба», женщина очень одаренная, обладавшая исключительным практическим умом, но совершенно лишенная моральных качеств. Очень богатая, она доводила свою бережливость до степени гнусной скупости, создала тяжелую жизнь для своего мужа, детей и крепостных, изгнала из своего быта всякие признаки комфорта и благосостояния и упростила свое существование до степени единственного главного занятия—возможно большего накопления.

Крепостное право было в полном расцвете в детские и юношеские годы Салтыкова и потому неудивительно, что воспоминания об этой печальной системе занимают значительное место в его произведениях. Но в то время, как значительное число авторов, с Тургеневым во главе, посвятило много красноречивых страниц описанию жалкой участи угнетенных крестьян, Салтыков очень много писал о гибельном и унижительном влиянии, которое оказывало крепостное право на самих господ. С этой точки зрения его роман «Господа Головлевы» — произведение в высшей степени замечательное.

Так же, как и «Ругон-Маккары», этот роман может быть снабжен подзаголовком «естественная и социальная история одной семьи», потому что там перед нашими глазами разворачивается моральный упадок и постепенная гибель трех поколений помещиков, гибель, определенная законами наследственности и накопившимся воздействием нездоровых и деморализующих влияний¹³.

Говоря об этом романе, я не могу не отметить его любопытного сходства, наверно непреднамеренного, с романами Золя¹⁴. Уже неоднократно говорили о символизме Золя. В каждом из его произведений всегда участвует нечто неодушевленное, близкое, образующее не только основу романа, но и выполняющее в нем в известном смысле ту же функцию, как судьба в греческой трагедии. Таковы сад в «Преступлении аббата Мура», мина в «Жерминале», собор в «Мечте». Это «нечто» связано самыми тесными узами с историей действующих лиц, но оно заранее определяет все их бытие, независимое от их воли, определяет неизбежно и непоправимо.

В романе русского писателя вы подметите такой же символизм. Это — Головлево — наследственное именование семьи Головлевых, играющее роль роковой и зловещей силы. Старинный помещичий дом, просторный, торжественный и мрачный, который распускает своей тяжелой каменной массой жалкие крестьянские избы, расположенные вокруг него,—олицетворяет систему крепостного права. Эта помещичья усадьба, на кото-

рую так зарятся все члены семьи Головлевых, становится проклятием для каждого из них. Благодаря тяжелому рабскому труду возрастает материальное благосостояние Головлевых; их богатство растет, их владения расширяются. Но для чего все это нужно? Одно поколение за другим жалко погибает в стенах проклятого дома.

«Хороши наши дела! Головлево всех нас слопают! Никому не уцелеть!» — с ютчаянием восклицает Аннинька, последний отпрыск этой несчастной семьи, перечисляя про себя целую кучу своих дедов, дядей и других родственников, которые вырывали Головлево друг у друга, перекупали его и все окончили там свои дни, некоторые самоубийством, другие в безумии или белой горячке.

Этот замечательный роман занимает совсем особое место в творчестве Салтыкова. Большая часть других его произведений посвящена изображению нравов и привычек русского чиновничества. Благодаря долголетнему личному опыту, ему были хорошо известны различные части огромной русской бюрократической машины.

Салтыков учился в Царскосельском лицее. Каждое учебное заведение подобного типа обычно хранит традиции какой-нибудь знаменитой личности, вышедшей из его стен, и память о ней связана с особым культом. В Царскосельском лицее наш великий поэт Пушкин играет роль гения-хранителя. Каждый воспитанник этого лицея полон гордости, думая о том, что Пушкин принадлежит к числу его старших товарищей, и исключительное почитание, которым окружен поэт в лицее, является причиной того, что поэзия там в большой моде. Мало насчитывается воспитанников, которые не пробовали бы писать стихи, и Салтыков в свою очередь не избежал этой общей участи. Тотчас же после выхода из лицея он напечатал маленький сборник лирических стихотворений, большая часть которых написана в лицее, — все они, впрочем, довольно посредственны¹⁵.

Сам Салтыков довольно скоро признал, что лирическая поэзия не его удел. Принужденный матерью поступить на службу в министерство внутренних дел мелким чиновником¹⁶, он не захотел тем не менее побороть свою непреодолимую склонность к литературе и выступил через год с произведением совсем особым. В «Запутанном деле», напечатанном в 1848 г. под псевдонимом Щедрина, который он сохранил на всю жизнь, уже чувствуется великий сатирик. Этот рассказ, содержащий печальные сетования по поводу судьбы мелких чиновников в России, произвел впечатление. К несчастью он появился как-раз в ту пору, когда опрационные для печати правила свирепствовали с исключительной силой¹⁷.

«И вот, вслед за возникновением движения во Франции, — вспоминает Салтыков, — произошло соответствующее движение и у нас: учрежден был негласный комитет для рассмотрения злокозненностей русской литературы». Несмотря на вымышленное имя, за которым укрылся автор «Запутанного дела», он был скоро опознан, и высылка в Вятку, город, расположенный на окраине европейской России, на границе Сибири, увенчала его первый литературный успех. Только через семь с половиной лет, в 1855 г., после смерти Николая и восшествия на престол Александра II Щедрин мог вернуться в Петербург.

Хотя он был в опале, но службы не оставил и продолжал в Вятке исполнять обязанности мелкого чиновника¹⁸. Вынужденное пребывание в далекой провинции несомненно было для него более полезно, чем приятно, так как дало ему возможность увидеть воочию все ужасы, все злоупотребления, весь произвол бюрократической системы, которая в провинции совершенно обнажена, без всякой заботы о той благопристойности, какую считают себя обязанными соблюдать в Петербурге.

Возвратившись в столицу, Салтыков с жаром занялся литературой и опубликовал свои «Губернские очерки», которые сразу обеспечили ему почетное место среди первых русских писателей.

Среди чисто сатирических произведений Щедрина, быть может, «История одного города» — на самом деле беспорядочно-шумная (*tintamaresque*) история российской империи — есть его значительное произведение, которое никогда не утратит своего интереса для будущих поколений. Действующие лица, вызвавшие в данном случае его сатирическое вдохновение, столь хорошо известны и так легко могут быть узнаны, что все намеки автора всегда будут хорошо поняты и оценены.

Этого нельзя сказать про его другие произведения. Далеко не одна страница, написанная Салтыковым, требует уже и теперь комментариев даже в России. В связи с этим его известность сильно пострадает. Изменения в образе правления точно так же сделают менее ощутимыми уколы его сатиры. Но его имя останется в истории не только как имя самого великого памфлетиста, которого когда-либо знала Россия, но и как имя великого гражданина, не дававшего ни пощады, ни отдыха угнетателям мысли.

Щедрин действительно жил только своим временем, но как хорошо сказал Гете:

«Кто жил для своего времени, тот жил для всех времен».

Софья Ковалевская

Париж, июнь 1889 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Софья Васильевна Ковалевская (1850—1891). Отец ее, артиллерийский генерал В. В. Корвин-Круковский, с гордостью выводил свой литовско-русский дворянский род от венгерского короля Матвея Корвина (1458—1490), знаменитого воина и вместе с тем покровителя наук и литературы, собравшего очень ценную библиотеку. Мать ее — Е. Ф. — дочь известного ученого математика и геодезиста, генерала Ф. Ф. Шуберта (1789—1865) и внучка известного астронома, академика Ф. И. Шуберта (1758—1825). Детство Ковалевская провела в деревне Витебской губ., где отец ее был крупным помещиком и предводителем дворянства. Вместе со старшей сестрой Анной (1843—1887), принимавшей впоследствии близкое участие в организации Парижской коммуны, она воспитывалась в деревне под руководством гувернанток и домашних учителей, проявляя обычные средние способности во всех науках, кроме математики, к которой еще в детские годы имела сильное влечение: одиннадцать лет от роду она разбирала литографированный курс дифференциального и интегрального исчисления академика М. В. Остроградского. Желая вырваться из-под опеки отца, считавшего высшее образование вообще, и посещение университетских лекций в частности, делом совершенно неподходящим для помещицкой дочери, С. В. вышла в 1869 г. фиктивным браком за сына небогатого витебского помещика из обруселых поляков Владимира Онуфриевича Ковалевского (1842—1883), прославленного впоследствии во всем ученом мире гениального палеонтолога, брата знаменитого зоолога А. О. Ковалевского (1840—1901). Вместе с мужем С. В. поехала в 1869 г. в Германию, где сделалась одной из любимых учениц знаменитого берлинского математика К. Вейерштрассе (1816—1897). Получив в 1874 г. ученую степень в Геттингене, Ковалевская вернулась на родину и несколько лет провела в Петербурге вне научных занятий. Царская Россия могла предоставить Софье Васильевне, при всех ее ученых дипломах и научных знаниях, только должность учительницы трех младших классов женской школы, да и то после сдачи соответственных экзаменов у чиновников учебного ведомства. Ковалевская повела образ жизни светской женщины, вращалась в кружках либеральных дам-благотворительниц вроде А. П. Filosoфовой, дочерей военного министра Д. А. Милютина, в кругу столичных ученых и писателей — Д. И. Менделеева, А. М. Бутлерова, Ф. М. Достоевского, принимала участие в предприятиях ее мужа, увлекавшегося тогда коммерческими операциями грюндерского характера. Брак их в это время стал фактическим: в 1878 г. С. В. родила дочь. После трагической гибели ее гениального мужа, покончившего самоубийством в связи с финансовым крахом акционерного общества, в которое он был вовлечен, Ковалевская вернулась к своим научным занятиям, возобновила связи в европейском ученом мире, была в 1884 г. избрана профессором математики в Стокгольмском университете. Встретившись через 2—3 года с М. М. Ковалевским, Софья Васильевна сильно увлеклась им. Прославленный профессор выказывал ей значительное внимание, разрезав с ней по Европе, жил ради нее в Стокгольме, но не мог в соответственной степени отвечать на ее горячую любовь. После нескольких лет дружеской и сердечной близости с Максимом Максимовичем Ковалевская отказалась от предложения стать его женой: с одной стороны, она сознавала, что это предложение основано не на глубоком, всепоглощающем чувстве, с другой стороны, сама не могла совместить охватившую ее страсть с учено-академической деятельностью. Все эти переживания закончились тяжелой болезнью Ковалевской, умершей в Стокгольме 29 января 1891 г. (о ней в книге С. Я. Штрайха «Сестры Корвин-Круковские», М., 1933 г.).

² Максим Максимович Ковалевский (1851—1916) — выходец из богатой украинской дворянской семьи. Блестяще учившийся в гимназии, он строптивым своим характером и нежеланием беспрекословно подчиняться еще в юношеские годы вызвал замечания директора: «Ковалевский, Ковалевский, ваше поведение доведет вас до выведения из заведения». И, как любил впоследствии шутить М. М., он действительно был выведен из «заведения», однако значительно позднее. С 1877 г. доцент, с 1880 г. про-

фессор Московского университета Ковалевский был одним из самых популярных лекторов, принимал участие в общественной жизни столицы. Свой курс государственного права он сопровождал замечаниями такого рода: «Я должен Вам читать о государственном праве, но так как в нашем государстве нет никакого права, то как же я вам буду читать», или говорил о преимуществах представительного правления, о произволе администрации в России, где принцип самодержавия доведен до крайнего предела, и т. п. Министр народного просвещения И. Д. Делянов, придя к заключению, что Ковалевский «развращает студентов, поселяя в них ненависть против существующего в России государственного строя», совместно с начальником департамента полиции сделал вывод о необходимости устранить крамольного профессора из университета и велел своим подчиненным в Москве устроить с этой целью провокацию. В 1887 г. Делянов уволил Ковалевского со службы, предложив университету заместить его кафедрой «даже посредственным лицом», ибо «лучше иметь преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который действует на умы молодежи растлевающим образом». Ковалевский уехал из России, выступал с отдельными лекциями в крупнейших городах Европы и Америки, а после знакомства с Софьей Васильевной был, по ее почину, приглашен в Стокгольмский университет, где прочитал обширный курс о происхождении семьи и собственности. В 1901 г. Ковалевский организовал в Париже Русскую высшую школу общественных наук, где выступали на кафедре революционные деятели, а в 1902 г. прочитал курс лекций В. И. Ленин (см. «Пролетарская революция» 1924 г., № 3, стр. 142 сл.). В 1905 г. Ковалевский вернулся в Россию, в 1906 г. был избран членом I Государственной думы, с 1907 г. состоял по избранию университетов членом Государственного совета; с 1906 по 1915 гг. читал в Петербургском университете курс государственного права (о нем сборник «Максим Ковалевский, 1851—1916». Птр., 1918).

³ В Стокгольмском университете М. М. читал по-шведски, а так как был слабо знаком со шведским языком, то корректуру курса приходилось делать С. В. Ковалевской и другим сокгольмским профессорам. Иоганн Лефлер — один из братьев друзей Ковалевской, устроивший ей профессору в Стокгольме. Настоящим письмом устанавливается, что упомянутый курс Ковалевского был издан и по-шведски; в библиографическом указателе сочинений М. М. упомянуты лишь французское, испанское и русское издания.

⁴ Евг. Вал. Де-Роберти (1843—1915) — умеренный либерал, социолог и философ-позитивист, тверской земский деятель, один из участников земского конституционного движения, сотрудник Ковалевского по устройству Русской высшей школы в Париже.

⁵ Наш старый друг — П. Л. Лавров (1823—1900).

⁶ Алексей Петрович Боголюбов (1824—1896) — лейтенант флота, потом ученик Академии художеств, маринист; внук А. Н. Радищева, он создал Радищевский музей в Саратове. По своим политическим убеждениям был умеренным либералом; с 70-х годов проживал большей частью в Париже, основал там Общество взаимопомощи русских художников и принимал участие в тамошних русских делах.

⁷ Ал. Евст. Коцебу (1815—1889) — сын известного международного реакционного деятеля, драматурга Августа Коцебу (1761—1819), убитого студентом-революционером К. Зандом; один из лучших русских художников-баталистов, А. Коцебу последние годы жизни провел за границей и принимал участие в основанном Боголюбовым Обществе взаимопомощи русских художников.

⁸ Григорий Николаевич Вырубов (1843—1913) — химик, философ-позитивист и публицист, друг Ковалевского; богатый русский помещик, он по окончании Александровского (Пушкинского) лицея увлекся, под влиянием идей 60-х годов, естествознанием, имел степень магистра естественных наук, был врачом; с 1867 г. поселился в Париже; во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. участвовал в обороне Парижа в рядах национальной гвардии, а при Коммуне — в качестве врача военных лазаретов; был близок с А. И. Герценом в последние годы его жизни, а после его смерти был в качестве душеприказчика первым издателем полного 10-томного собрания его сочинений (Женева и др. 1875—1879); политических воззрений придерживался очень умеренных, характер имел сухой и замкнутый; еще Герцен писал о Вырубове, что он «доктринерством съел свое сердце»; в 1889 г. Вырубов, с разрешения царского правительства, натурализовался во Франции, продолжая поддерживать отношения со своей родиной.

⁹ Н. Д. Хвоцинская-Заюнчковская (В. Крестовский — псевдоним) — род. 20 мая 1825 г., умерла 7 июня 1889 г. Последнюю писательницу, ныне основательно забытую, Ковалевская ставит в один ряд с классиками русской литературы потому, что Хвоцинская, выступавшая в печати с 1850 г., была в 70-х годах популярной романисткой некрасовских и салтыковских «Отечественных Записок», пользовалась к концу своей литературной деятельности признанием всей прогрессивной критики, отмечавшей искренность и живость ее дарования; познакомившись в конце 50-х годов в Рязани с М. Е. Салтыковым, впоследствии сделалась его близким литературным другом.

¹⁰ Подробный перечень переводов Щедрина на французский язык см. в библиографическом указателе С. А. Макашина «Щедрин в иностранной литературе», помещенном в настоящем сборнике.

¹¹ Рассказ «Большое место» впервые напечатан в «Отечественных Записках за 1879 г. (№ 1, стр. 297 сл.), затем включен в «Сборник» рассказов, очерков и сказок, вышедший первым изданием в 1881 г., вторым — в 1883 г. В полном собрании сочинений Салтыкова издания 1911 г. включен в том пятый. Еще при жизни автора критика отмечала, что «Большое место» — один из кульминационных пунктов в творчестве Щедрина, называла это произведение законченным и образцовым, где психологический анализ согрет глубоким чувством и освещен глубокой идеей; указывалось, что «Большое место», так же как и «Господа Головлевы», ставит Салтыкова в ряду «наших первых беллетристов» (К. Арсеньев. «Русская общественная жизнь в сатире Щедрина». — «Вестник Европы», 1883, № 3).

¹² В нашей публикации — здесь и дальше — приводится подлинный текст Щедрина по русскому изданию его сочинений («За рубежом», Полное собрание сочинений, изд. 1906 г., т. 8, стр. 122 сл.) в пределах тех извлечений, которые были использованы Ковалевской.

¹³ «Ругон-Маккары» — двадцатитомная серия романов Эмиля Золя (1840—1902) с подзаголовком «Естественная и социальная история одной семьи в эпоху Второй империи», задуманных автором как исследование, основанное на принципе наследственности и замкнутое в границах физиологии, определяющей психику действующих в романе лиц, принадлежащих к одной широко разветвленной семье.

¹⁴ Первые два романа серии «Ругон-Маккары» — «Карьера Ругонов» и «Добыча» — вышли в 1871 г., третий — «Чрево Парижа» — в 1873 г., следующие выходили в 1874 и дальнейших годах; последний роман этой серии — «Доктор Паскаль» — вышел в 1893 г. Отдельные очерки из «Господ Головлевых» начаты печатанием в «Благонамеренных речах» в 1875 г.; первым отдельным изданием роман вышел в 1880 г., вторым — в 1883 г.

¹⁵ Салтыков окончил лицей в 1884 г. Его первое стихотворение — «Лира» — напечатано в 1841 г. в «Библиотеке для чтения» (№ 4, стр. 105 сл.). В последующие годы там же и в «Современнике», вплоть до 1845 г., напечатано еще несколько других стихотворений Салтыкова, но все они написаны в лицее, по выходе из которого он «ни одного стиха не написал». Отдельным сборником стихотворения Салтыкова изданы не были.

¹⁶ Салтыков был зачислен в августе 1844 г. на службу в канцелярию военного министра, где через два года занял штатное место помощника секретаря.

¹⁷ Первая повесть Салтыкова «Противоречия» напечатана в «Отечественных Записках» за 1847 г. (кн. 11-я), вторая — «Запутанное дело» — там же в 1848 г. (кн. 3-я). Под исключительными правилами для печати Ковалевская подразумевает деятельность «Негласного комитета», создавшего для русской литературы в последние годы царствования Николая I эпоху цензурного террора. Ссылка Салтыкова была вызвана докладом по поводу обеих повестей.

¹⁸ В Вятке Салтыков был зачислен канцелярским чиновником при губернском правлении, с понижением по службе, но уже в конце 1848 г. был назначен старшим чиновником особых поручений, исполнял должность правителя канцелярии губернатора; в 1850 г. был назначен советником губернского правления.